
ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	9
Прелюдия: ваш мозг подвергся изменениям	15
Чего хочет Бог	19
Истории религий, биологий и психологий	27

ЧАСТЬ I

Эволюция обществ и психологий

1. Психология человека Запада	33
В самом деле, кто вы?	36
Зефир достается тому, кто умеет ждать	50
Дипломатов из ООН штрафуют за неправильную парковку	53
Одержимость намерениями	60
Лес за деревьями	64
Остальная часть айсберга	67
2. Происхождение культурного вида	71
Умение учиться как продукт эволюции	73
Эволюционирующие общества	80
Пути к нашей психике	94
3. Клань, государства и почему от одного сложно перейти к другому	98
Как выросла Илахита	99
Когда, как и почему возрастал масштаб обществ?	113
Возникновение досовременных государств	123
Кружная тропа	132
4. Боги всё видят. Веди себя хорошо!	134
Морализаторство богов и загробная жизнь под условиями	139
Эволюция богов и ритуалов	150
Ад, свобода воли и универсальность морали	157
Убедительное мученичество и скучные ритуалы	160
Стартовая позиция	162

ЧАСТЬ II

Происхождение людей Запада

5. Семья Запада	167
Разрушение традиционной семьи	171
Каролинги, манориальная система и европейская модель брака	198
Последующие изменения	203
6. Психологические различия, семьи и Церковь	205
Интенсивность родства и психология	206
Церковь перестраивает родство и меняет психику	235
Шлюзы открываются	239
7. Европа и Азия	243
Следы Церкви	244
Психологические различия в Китае и Индии	253
Плодородная почва	261
8. Моногамия людей Запада	264
«Особенный» институт	266
Математическая проблема полигинии	271
Система подавления тестостерона	276
Доверие, командные навыки и преступность	281
Мозаика складывается	289

ЧАСТЬ III

Новые институты, новые психологии

9. О торговле и кооперации	293
Интеграция в рынки и обобщенная просоциальность	296
«Нет Хуэй — нет рыночных городов»	306
Коммерческая и городская революции	312
Подведем итоги	324
10. Одомашнивание конкуренции	327
Война, религия и психология	327
Как война сделала европейцев более западными	336
Приручение межгрупповых конфликтов	344
Когда и почему?	353
Использование силы конкуренции	360
11. Рыночные ментальности	363
Как работа стала добродетелью	369
Быть собой: истоки личности человека Запада	381
Огромн, но насколько?	391

ЧАСТЬ IV
Рождение современного мира

12. Право, наука и религия	395
Универсальные законы, противоречивые принципы и права личности.	398
Представительные органы власти и демократия.	406
Самая западная религия	413
Темная материя или Просвещение?	425
13. Вперед, к звездам!	427
Создание коллективного мозга.	437
Больше изобретательности?	455
Психология и инновации в современном мире	460
Избежать ловушки	461
14. Темная материя истории	463
Ружья, микробы и другие факторы	468
Глобализация и ее проблемы	478
Приложение А. Вехи брачно-семейной программы	483
Приложение Б. Дополнительные иллюстрации	490
Приложение В. Психологическое воздействие межличностной и географической мобильности	492
Примечания	496

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2006 г. я, сам того не зная, свернул на дорогу, ведущую к этой книге, когда перешел с факультета антропологии Университета Эмори в Университет Британской Колумбии в Ванкувере, где стал профессором факультетов психологии и экономики. Они казались неожиданным для меня прибежищем, поскольку я никогда не изучал ни одну из этих дисциплин. Вскоре после перехода основание для этой книги было заложено двумя вроде бы никак не связанными с ней событиями. Во-первых, глава экономического факультета Анжи Редиш предложила мне в рамках моих обязанностей преподавателя ее факультета провести курс под названием «Богатство и бедность народов». Редиш помнила, что, когда я был аспирантом Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, я вел семинар по книге Джареда Даймонда «Ружья, микробы и сталь» (Guns, Germs, and Steel). Эта возможность попробовать себя в преподавании позволила мне углубиться в экономическую литературу о том, почему страны различаются по уровню благосостояния и почему промышленная революция произошла в Европе, а не где-либо еще. По своей тематике эта работа прекрасно соответствовала моему давнему антропологическому интересу к эволюции человеческих обществ, хотя антропологи обычно не пытались объяснять то, что случилось после возникновения древних государств. Экономисты, напротив, редко (в то время) рассматривали события, произошедшие более 500 лет назад. Каждый раз, когда я вел этот курс, я вносил определенные поправки в свои лекции, что дало мне возможность критически исследовать всю эту область.

Хотя я получал огромное удовольствие, мне и в голову не приходило, насколько важными эти знания окажутся в моих непрекращающихся попытках постичь разнообразие психологических типов человека.

Второе важное событие произошло, когда я познакомился с двумя социальными психологами из Университета Британской Колумбии — Арой Норензаяном и Стивом Хайне. Ара, армянин, эмигрировавший в 18 лет из раздираемого войной Ливана во Фресно, штат Калифорния, в начале своей научной карьеры изучал различия в восприятии, стилях мышления и особенностях рассуждения представителей разных культур. Стив, чье научные интересы (я подозреваю) во многом сформировались под впечатлением от общения с его женой-японкой, сравнивал, как канадцы и японцы видят себя по отношению к другим людям и как это влияет на их мотивацию, принятие решений и самоощущение. Независимо друг от друга мы трое заметили — в рамках наших отдельных областей знания, — что западные популяции часто оказывались необычными в сравнении с двумя или более незападными популяциями. Отправившись перекусить китайским фастфудом в полуподвальном фуд-корте, где знаменитые психологи Даниэль Канеман и Амос Тверски якобы обсуждали свои планы по изучению рационального принятия решений, мы приняли решение свести воедино все известные нам межкультурные исследования, посвященные важным аспектам психологии человека. После тщательного изучения всех работ, которые нам удалось найти, мы пришли к трем поразительным выводам:

1. В высшей степени предвзятые выборки. Большая часть всего, что было экспериментально показано относительно человеческой психологии и поведения, основано на исследованиях с участием студентов из западных стран. На момент анализа 96% участников всех подобных экспериментов происходили из Северной Европы, Северной Америки или Австралии и около 70% из них были американскими студентами.
2. Психологическое разнообразие. Психологические различия между популяциями проявляются во многих важных вопросах, указывая на гораздо большее разнообразие, чем можно было бы ожидать, прочитав учебники или наиболее авторитетные журналы по психологии или поведенческой экономике.
3. Необычность психологии. Когда в работах рассматривались показатели представителей множества популяций, западные данные обычно оказывались одной из крайних точек распределения. Жители стран Запада были психологически странными.

Взятые в совокупности, эти три факта означали, что почти всё, что мы, ученые, знаем о психологии человека, получено на примере популяций, которые, судя по всему, довольно необычны по многим важным психологическим и поведенческим показателям. Важно отметить, что не существовало очевидного способа определить, будет ли психологическая черта, обнаруженная у западных студентов, сохраняться у представителей иных культур, поскольку имеющиеся исследования, проведенные на протяжении последнего полувека, выявили различия между популяциями в представлениях о справедливости, восприимчивости к визуальным иллюзиям, пространственном мышлении, памяти, внимании, терпении, рискованном поведении, индукции, исполнительных функциях и распознавании образов.

В 2010 г., через четыре года после нашего совместного обеда в подвале, мы с Арой и Стивом наконец опубликовали в журнале *Behavioral and Brain Sciences* статью «Самые странные люди в мире?» (The weirdest people in the world?) наряду с коротким комментарием в журнале *Nature*. В этих публикациях мы охарактеризовали популяции, так часто используемые в психологических и поведенческих экспериментах, эпитетом WEIRD*, поскольку они происходят из западных, образованных, промышленно развитых, богатых и демократических обществ. Конечно, мы подозревали, что среди популяций Запада и внутри отдельных западных стран, вероятно, тоже имеются существенные психологические различия, но даже эти различия не очень часто обсуждались в опубликованных исследованиях или учебниках.

Хотя наша публикация в журнале *Behavioral and Brain Sciences* в самом деле успешно продемонстрировала предвзятость формирования выборок в психологических и поведенческих науках, мне она всегда казалась неудовлетворительной, поскольку она ничего не объясняла. В чем причина всех этих психологических различий? И почему люди Запада такие необычные? По сути, не имея направляющих теорий или объяснений, мы даже не могли быть уверены, что люди Запада действительно необычны. Мы задались вопросом, не могли ли западные исследователи, которые полностью доминируют в соответствующих научных дисциплинах, неосознанно склоняться к тем аспектам психологии или поведения, в которых они сами — то есть их популяции — особенно выделяются. Во время того самого обеда Стив вслух

* Weird — англ. «странный». Аббревиатура WEIRD расшифровывается как Western, Educated, Industrialized, Rich, Democratic — «западные, образованные, промышленно развитые, богатые и демократические». При переводе на русский язык мы, к сожалению, не сумели так же остроумно и естественно обыграть этот набор характеристик в одном слове (хотя у нас имелись многообещающие варианты ЗДРанные и ЗБРОД), и поэтому далее везде, где автор будет упоминать WEIRD, «странных» (в данном контексте) людей, мы будем называть их «людьми Запада». — *Прим. ред.*

размышлял о том, как могла бы выглядеть японская психология, если бы японцы разработали свою собственную версию этой дисциплины, не заимствовав сначала западные концепции, интересы и акценты.

После публикации нашей статьи мой мозг сосредоточился на вопросе о том, как объяснить общие закономерности психологических вариаций, которые заметили Ара, Стив и я. Эта книга фиксирует то, насколько я в этом продвинулся на сегодняшний день. Однако, работая над ней, я сначала опубликовал другую, под названием «Секрет нашего успеха» (The Secret of Our Success, 2016)*. Изначально идеи, которые я там развивал, должны были стать темой первой части этой книги. Но как только эта интеллектуальная плотина рухнула, хлынувший поток моих мыслей оформился в полноценную публикацию, и ничто не могло этому помешать. Позже, когда «Секрет нашего успеха» был доведен до готовности, я смог уверенно почерпнуть оттуда все необходимое для этой книги. Спасибо моему издательству Farrar, Straus and Giroux за понимание того, что иногда, прежде чем браться за большую работу, стоит подготовить подходящие инструменты.

* * *

Этот проект потребовал от меня использования исследований в самых разных областях общественных и биологических наук, и для этого мне пришлось положиться на обширную компанию друзей, коллег и соратников-ученых, которые в течение целого десятилетия делились со мной своими знаниями, мудростью и пониманием. Я никогда не смогу отблагодарить всех, кто помог мне в бесчисленных разговорах и письмах.

Будучи блудным сыном культурной антропологии, выброшенным на академические берега психологии и экономики в Университете Британской Колумбии, я хотел бы поблагодарить удивительную группу ученых и друзей, которые приняли меня в свой круг. Вклад Стива и Ары был, конечно, ключевым. Я также многому научился у Теда Слингерленда, Патрика Франсуа, Сиван Андерсон, Маурисио Дрелихмана, Ашока Котвала, Кайли Хэмлин, Марка Шаллера, Мукеша Эсварана, Джессики Трейси, Даррина Лемана, Нэнси Галлини, Энди Барона, Сью Берч и Джанет Уэркер. Особая благодарность Сиван и Патрику за их комментарии к черновикам моих глав.

Когда я наконец официально отправился в интеллектуальное путешествие, приведшее меня к этой книге, я получил приглашение стать научным сотрудником группы «Институты, организации и рост» Канадского института

* Хенрик Дж. Секрет нашего успеха. Как культура движет эволюцией человека, одомашнивает наш вид и делает нас умнее. — М.: CORPUS, 2023.

перспективных исследований. Это внезапное, но благотворное предложение позволило мне постоянно контактировать с ведущими экономистами и политологами, которые работали над вопросами, имеющими непосредственное отношение к моей теме. Я благодарен всем моим коллегам по институту, поскольку учился у каждого из них. С самого начала мои беседы с историками экономики Авнером Грейфом и Джоэлем Мокиром стали фундаментом этой книги. Особая благодарность Джоэлю, который комментировал ее главы и всегда отвечал на мои наивные вопросы об экономической истории. Я также многому научился, общаясь с Гвидо Табеллини, Мэттом Джексоном, Торстеном Перссоном, Роланом Бенабу, Тимом Бесли, Джимом Фироном, Сарой Лоус, Сурешем Наиду, Томасом Фудзиварой, Раулем Санчесом де ла Сьерра и Натали Бау. Разумеется, мои непрекращающиеся споры с Дароном Аджемоглу и Джеймсом Робинсоном были особенно важны, поскольку они заставили меня отточить ход моих рассуждений и осознать пробелы в моих доказательствах. Когда Джеймс и я читали совместный курс в Гарварде, он добился того, чтобы студенты внимательно изучили каждый из приведенных мной аргументов.

В 2013–2014 гг. мне посчастливилось провести год в Школе бизнеса Нью-Йоркского университета в рамках программы «Бизнес и общество». Это время оказалось невероятно продуктивным, и мне очень помогли еженедельные беседы и совместное преподавание с психологом Джоном Хайдтом. Там же я получил полезные советы от экономистов Пола Ромера и Боба Франка.

После того как я приехал в Гарвард, отдельные разделы этой книги претерпели значительные улучшения при участии группы молодых экономистов. Беньямину Энке я впервые рассказал о своей книге в 2016 г., за несколькими пинтами пива во время наших еженедельных встреч в пабе. Он вдохновился моими идеями и в течение следующего года подготовил впечатляющую работу, на которой я подробно останавлиюсь в главе 6. Примерно в тот же период я пригласил выступить с докладом в моей лаборатории Джонатана Шульца, поскольку слышал от одного из моих сотрудников, что Шульц работал в Йельском университете над чем-то связанным с «кузенными браками и демократией». Для большинства людей, и особенно для большей части экономистов, фраза «кузенные браки и демократия» может показаться немного странной. Но для меня было очевидно, что мы с ним, вероятно, оказались в точке пересечения наших научных траекторий. После выступления я сразу же пригласил его в свою лабораторию и предложил вместе поработать над проектом, который я начал с другим экономистом, Джонатаном Бошампом, готовившимся оставить свой пост в Международном валютном фонде, чтобы вернуться к научной деятельности. К нашей троице вскоре присоединился экономист иранского происхождения Думан Бахрами-Рад. Интеллектуальные плоды нашей совместной работы теперь опубликованы в журнале

Science и составляют основу глав 6 и 7. Спасибо всем этим людям за то, что они читали черновики этой книги и давали полезные комментарии.

В те же годы я извлек огромную пользу из еженедельного общения с экономистами Натаном Нанном и Леандером Хелдрингом. В ходе наших совместных курсов Леандер и Натан формулировали свое мнение по поводу моих идей всякий раз, когда я их высказывал.

Членам моей исследовательской группы пришлось испытать на себе всю мою одержимость темами, затронутыми в этой книге. Я благодарен Майклу Мутукришине, Рахулу Бхуи, Айяне Уиллард, Рите Макнамаре, Кристине Мойя, Дженнифер Жаке, Маческу Чудеку, Хелен Дэвис, Анке Беккер, Томми Флинту, Мартину Лангу, Бену Пурзики, Макс Уинклеру, Манвиру Сингху, Моше Хоффману, Андресу Гомесу, Кевину Хонгу и Грэму Ноблиту за комментарии и идеи, которыми они со мной делились на протяжении многих лет. Особая благодарность Кэмми Кертин и Тиффани Хван, каждая из которых в течение времени, проведенного в должности секретаря моей лаборатории, внесла огромный вклад в работу над этой книгой.

Попутно я извлек пользу из общения со многими исследователями и авторами, включая Дэна Смейла, Роба Бойда, Ким Хилл, Сару Мэтью, Сашу Беккера, Джареда Рубина, Ханса-Йоахима Фота, Кэтлин Вос, Эрнста Фера, Мэтта Сайеда, Марка Кояму, Ноэля Джонсона, Скотта Атрана, Петра Турчина, Эрика Кимбро, Сашу Вострокнутова, Альберто Алесину, Стива Стича, Тайлера Коуэна, Файри Кашмана, Джоша Грина, Алана Фиска, Рикардо Хаусманна, Кларка Барретта, Паолу Джулиано, Алессандро Кассар, Девеша Рустаги, Томаса Тальхельма, Эда Глэзера, Фелипе Валенсия Кайседо, Дэна Хрушку, Роберта Барро, Рэйчел Макклири, Сендхила Муллайнатана, Леру Бородицки, Михала Бауэра, Джули Хитилову, Майка Гурвена, Кэрол Хуven и многих других. Несколько человек предоставили мне свои данные, и я попытался отдельно поблагодарить их за это в примечаниях. Во время двух посещений Пенсильванского университета меня особенно вдохновили глубокие дискуссии с Корен Апицеллой, чья работа с охотниками-собираателями из народности хадза описана в главе 11.

Я также хотел бы поблагодарить моего редактора в Farrar, Straus and Giroux Эрика Чински за его полезные комментарии к предпоследнему черновику моей рукописи и моего литературного агента, компанию Brockman Inc., за их оперативную и постоянную поддержку этого проекта.

Наконец, я очень благодарен членам моей семьи — Натали, Зоэ, Джессике и Джошу, — которые в течение десяти лет с любовью поддерживали меня в работе над этим трудным проектом.

Джо Хенрик
Кеймбридж, штат Массачусетс
1 августа 2019 г.

Прелюдия: ваш мозг подвергся изменениям

Ваш мозг был изменен, подвержен нейрологической перестройке, поскольку приобрел навык, очень ценный тем обществом, к которому вы принадлежите. До недавнего времени этот навык практически не был востребован или вообще не использовался, и подавляющая часть людей в большинстве обществ так и не приобрели его. При развитии этой способности с вами случилось вот что¹:

- 1) специализация участка левой вентральной затылочно-височной области, который находится в вашем мозге между центрами, отвечающими за восприятие языка, объектов и лиц;
- 2) утолщение мозолистого тела — информационного канала, соединяющего левое и правое полушария вашего мозга;
- 3) изменения в той части вашей префронтальной коры, которая участвует в речи (зона Брока), а также в других областях мозга, которые выполняют различные нейрологические задачи, включая обработку речи и рассуждения о чужих мыслях;
- 4) улучшение вашей вербальной памяти и увеличение активности вашего мозга при обработке речи;
- 5) смещение функции распознавания лиц в правое полушарие: нормальные люди (не вы) обрабатывают лица почти в равной степени в левой и правой частях мозга, но те, кто обладает вашим особым навыком, пользуются для этого преимущественно правым полушарием²;
- 6) уменьшение способности распознавать лица, вероятно, из-за того, что внесение изменений в левую вентральную затылочно-височную область оказало воздействие на участок, который обычно специализируется на распознавании лиц;

- 7) снижение предрасположенности к холистической визуальной обработке в пользу более аналитической обработки: теперь вы больше полагаетесь на разбиение сцен и объектов на составные части и меньше — на общие очертания и шаблоны целостного восприятия мира.

Что же это за умственная способность? Какой навык смог так изменить ваш мозг, наделив вас новыми, специализированными возможностями, а также вызвав определенные когнитивные нарушения?

Эта экзотическая умственная способность — чтение. Вы, скорее всего, в высокой степени грамотны.

Приобретение этой умственной способности требует возникновения специализированных нейрологических контуров в различных частях мозга. Для обработки букв и слов в левой вентральной затылочно-височной области развивается, скажем так, буквозона, которая соединяется с близлежащими областями, предназначенными для распознавания объектов, языка и речи. Травмы головного мозга, затрагивающие буквезону, приводят к потере грамотности, хотя пострадавшие сохраняют способность распознавать цифры и производить математические вычисления, что указывает на то, что эта область формируется специально для чтения³.

Нейрологические контуры буквезоны настроены на определенные системы письма. Например, в то время, как буквы еврейского алфавита активируют буквезону у людей, владеющих ивритом, англоязычные читатели взаимодействуют с ними так, как с любыми другими визуальными объектами, а не так, как с латинскими буквами. Буквезона также кодирует более сложные, не основанные лишь на визуальной составляющей шаблоны. Например, она регистрирует сходство между «ЧИТАТЬ» и «читать», хотя они выглядят совершенно по-разному⁴.

Позвольте показать вам кое-что: чуть ниже вы увидите крупные символы. Не читайте их, а только рассмотрите их форму. Я скажу вам, когда их можно будет прочесть.

белая лошадь

白 馬

Если вы грамотны, держу пари, что вы не смогли не прочесть словосочетание «белая лошадь», приведенное выше. Механизмы чтения в вашем мозге отличаются автоматизмом и сверхвысокой скоростью; как мы только что продемонстрировали, они находятся вне вашего сознательного контроля. Вы не можете не прочесть то, что видите. Напротив, если только вы не владеете еще и китайским языком, вы, вероятно, без особых

проблем просто полюбовались интересными черточками, складывающимися в приведенные выше иероглифы, которые также означают «белая лошадь» (бай ма). В популяциях с высокой грамотностью психологи любят демонстрировать слова участникам эксперимента так быстро, что те не успевают осознать, что только что увидели слово. Однако мы знаем, что они не только замечают промелькнувшее слово, но и прочитывают его, потому что его значение немного влияет на работу их мозга и их поведение. Подобные бессознательные изменения демонстрируют как нашу неспособность отключить собственные механизмы чтения, так и тот факт, что мы даже не осознаем, как читаем и обрабатываем то, что читаем. Хотя эта когнитивная способность сформирована под влиянием культуры, она также является автоматической, неосознанной и неудержимой. Это делает ее похожей на множество других аспектов культуры⁵.

Освоение навыка чтения приводит к формированию особых нейронных сетей, которые влияют на нашу психику в нескольких различных областях, включая память, визуальную обработку и распознавание лиц. Грамотность меняет биологические и психологические характеристики человека, не затрагивая лежащий в их основе генетический код. Члены общества, в котором 95% взрослых обладают высокой грамотностью, будут иметь в среднем более толстое мозолистое тело и слабее выраженный навык распознавания лиц, чем члены общества, в котором высокой грамотностью обладают только 5%. Эти биологические различия между популяциями проявятся, даже если эти две группы идентичны в генетическом плане. Таким образом, грамотность является примером того, как культура может перестраивать людей биологически, независимо от каких-либо генетических различий. Культура может изменять и действительно изменяет наш мозг, гормоны и анатомию, наряду с характеристиками восприятия, мотивациями, особенностями личности, эмоциями и многими другими аспектами нашего разума⁶.

Нейрологические и психологические изменения, связанные с грамотностью, следует рассматривать как часть культурного пакета, который включает практики, представления, ценности и институты (вроде ценности формального образования или института школы), а также технологии вроде алфавитов, слоговых азбук и печатных станков. Во многих обществах сочетание практик, норм и технологий привело к целенаправленному изменению определенных аспектов наших сложившихся в ходе генетической эволюции нейрологических систем для создания новых умственных способностей. Чтобы понять наблюдаемое по всему миру психологическое и нейрологическое разнообразие свойств от вербальной памяти до толщины мозолистого тела, нам необходимо изучить происхождение и развитие соответствующих ценностей, представлений, институтов и практик.

Пример с грамотностью показывает, почему многие психологи и нейробиологи в целом неверно истолковывали результаты своих экспериментов и раз за разом делали ложные выводы о *человеческом* мозге и психологии. Изучая студентов, посещавших занятия в университетах, где они работали, нейробиологи обнаружили устойчивую склонность обращаться при распознавании лиц к правому полушарию. Следуя общепринятой научной практике, другие исследователи воспроизвели эти результаты, привлекая различные группы студентов западных университетов. Основываясь на этих успешных повторениях, они пришли к выводу, что такая склонность обращаться при распознавании лиц к определенному полушарию является фундаментальной особенностью нейрокогнитивного устройства человека, а не побочным продуктом культуры высокой грамотности. Если бы они сделали то, что обычно делают психологи для поиска культурных различий — произвели бы эксперименты над восточноазиатскими студентами, посещающими американские университеты, они бы дополнительно обосновали свои предыдущие результаты и подтвердили бы приоритет правого полушария. Дело в том, что все студенты обязаны обладать высокой грамотностью. Конечно, сегодня в мире нет недостатка в неграмотных: их число, по разным оценкам, превышает 770 млн, что более чем вдвое превосходит население США. Просто эти люди не очень часто встречаются в университетских лабораториях.

Подведем итог: общества с высоким уровнем грамотности появились относительно недавно и сильно отличаются от большинства когда-либо существовавших обществ. Это означает, что современные популяции нейробиологически и психологически отличны от тех, что существовали на протяжении всей человеческой истории и в более глубоком эволюционном прошлом. Если вы случайно занялись изучением этих своеобразных современных популяций, не понимая мощного влияния связанных с грамотностью технологий, представлений и социальных норм на наш мозг и психические процессы, вы можете получить неправильные ответы. Это может произойти, даже если вы изучаете, казалось бы, фундаментальные аспекты психологии и нейробиологии, такие как память, обработка изображений и распознавание лиц.

Если мы хотим объяснить эти аспекты работы мозга и психики в том виде, в каком они проявляются в современном обществе, нам необходимо разобраться в происхождении и характере распространения высоких показателей грамотности — когда и почему большинство людей начали читать? Где и почему сформировались представления, ценности, практики, технологии и институты, необходимые для создания и сохранения этой новой способности? Это превращает вопрос о нейробиологии и всемирном психологическом разнообразии в вопрос о культурной эволюции и истории.

Чего хочет Бог

Грамотность не распространяется в обществе просто потому, что возникает система письма, хотя наличие такой системы, безусловно, этому способствует. Системы письма тысячелетиями существовали в могущественных и успешных обществах, история этих систем насчитывает около 5000 лет; однако до относительно недавнего времени читать умели не более 10% членов любого общества, а обычно этот показатель был намного ниже.

Внезапно в XVI в. грамотность начала распространяться по Западной Европе подобно эпидемии. Примерно к 1750 г., обогнав более космополитические регионы Италии и Франции, самыми грамотными обществами в мире стали Нидерланды, Великобритания, Швеция и Германия. Половина или более населения этих стран умели читать, а их издатели безостановочно печатали книги и брошюры. Оценивая распространение грамотности в период между 1550 и 1900 гг. по графику, приведенному на рис. П. 1, помните, что за этим процессом скрываются психологические и нейробиологические изменения в человеческом мозге: на протяжении веков у людей как совокупности способность к запоминанию слов увеличивается, навык распознавания лиц снижается, а мозолистое тело — утолщается⁷.

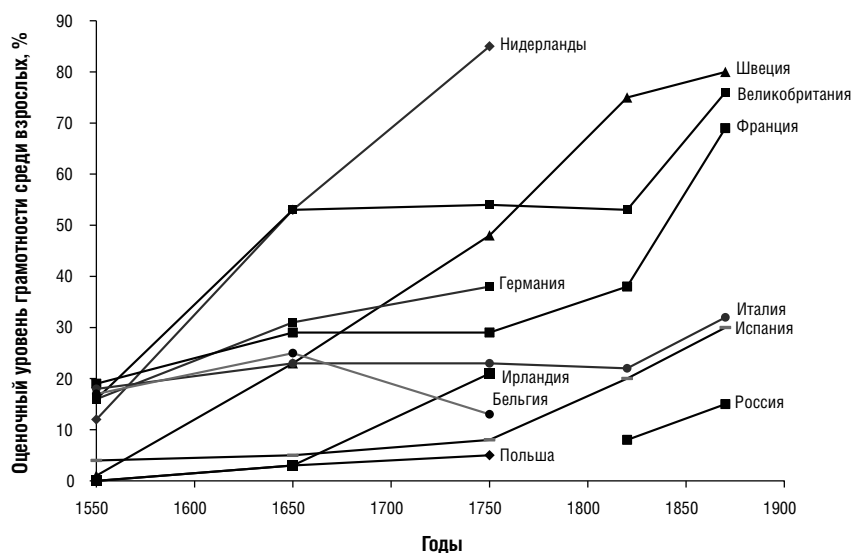

Рис. П. 1. Уровень грамотности в различных европейских странах с 1550 по 1900 г. Оценки основаны на данных об объемах книгоиздания, откалиброванных с использованием более прямых данных о грамотности населения⁸

Не сразу понятно, почему этот взлет должен был произойти именно в этот момент и в этих местах. Всплеск инноваций и экономического роста, известный как промышленная революция, не охватит Англию, а после нее и остальную Европу, вплоть до конца XVIII в. (и это в лучшем случае), поэтому первоначальное распространение грамотности не является реакцией на стимулы и возможности, созданные индустриализацией. Аналогичным образом конституционные формы правления начали появляться на национальном уровне только в конце XVII в., во время Славной революции в Англии, поэтому грамотность не стала исключительно следствием представительной системы правления или плюрализма в государственной политике. На самом деле во многих местах Европы и Америки высокий уровень грамотности возник и сохранялся даже задолго до появления финансируемого государством обязательного школьного образования. Конечно, это не означает, что богатство, демократия и государственное финансирование в конечном итоге не поспособствовали развитию грамотности. Однако эти перемены случились слишком поздно, чтобы спровоцировать возникновение массовой грамотности. Тогда благодаря чему это случилось?

Все началось в конце 1517 г., сразу после Хеллоуина, в небольшом немецком городе Виттенберге. Монах и университетский преподаватель по имени Мартин Лютер сочинил свои знаменитые «Девяносто пять тезисов», в которых содержался призыв к научному диспуту по поводу принятой в Католической церкви практики продажи индульгенций. Католики в то время могли приобрести специальный сертификат, индульгенцию, чтобы сократить время, которое их умершие родственники должны были провести в чистилище за свои грехи, или уменьшить тяжесть своего собственного покаяния⁹. «Девяносто пять тезисов» Лютера ознаменовали начало протестантской Реформации. Под влиянием его отлучения от Церкви и храбрости, проявленной им под угрозой уголовного преследования, последующие труды Лютера о теологических проблемах, социальных вопросах и характеристиках истинно христианской жизни прозвучали далеко за пределами его тихого убежища в Виттенберге и со временем оказали влияние на многие популяции — сначала в Европе, а затем и по всему миру. За пределами германских земель протестантизм вскоре прочно укоренился в Нидерландах и Великобритании, а позже с потоками британских колонистов проник в Северную Америку, Австралию и Новую Зеландию. Сегодня те или иные изводы протестантизма продолжают распространяться в Южной Америке, Китае, Океании и Африке¹⁰.

В основе протестантизма лежит представление, что люди должны налаживать личные отношения с Богом и Иисусом. Для этого и мужчинам, и женщинам нужно было самостоятельно читать и толковать Библию,

а не полагаться на авторитет предполагаемых экспертов, то есть священников, или властных институтов вроде Церкви. Этот принцип, известный как *sola scriptura*, означал, что каждый должен был научиться читать. А поскольку каждый не мог свободно владеть латынью, Библию пришлось переводить на местные языки¹¹.

Лютер не только создал перевод Библии на немецкий, который быстро стал использоваться повсеместно, но и начал проповедовать о важности грамотности и школьного образования. Перед ним стояла грандиозная задача, поскольку, по некоторым оценкам, доля грамотных среди немецкоязычного населения не превышала в то время 1%. Начав со своей родной Саксонии, Лютер убеждал правителей взвалить на себя ответственность за распространение грамотности и образование. В 1524 г. он опубликовал сочинение под названием «К советникам всех городов земли немецкой о том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы». В этом и других своих трудах он призывал родителей и власти создавать школы, чтобы учить детей читать Священное Писание. Когда различные князья Священной Римской империи начали принимать протестантизм, они часто ориентировались на пример Саксонии. Следовательно, грамотность и школы обычно следовали по пятам за протестантизмом. Грамотность также начала распространяться и в других странах, таких как Великобритания и Нидерланды, хотя именно в Германии формальное школьное образование впервые стало священной обязанностью светских государей и правительств¹².

Историческая связь между протестантизмом и грамотностью хорошо задокументирована. На рис. П. 1 видно, что уровень грамотности быстрее всего рос в странах, где глубоко укоренился протестантизм. Даже в 1900 г. дела все еще обстояли так, что чем выше в стране процент протестантов, тем выше в ней уровень грамотности. В Великобритании, Швеции и Нидерландах показатель грамотности среди взрослого населения составлял почти 100%. Между тем в католических странах, таких как Испания и Италия, уровень грамотности достигал только 50%. В целом знание доли протестантов в той или иной стране позволяет нам примерно наполовину объяснить межстрановые различия в уровне грамотности на заре XX в.¹³

Проблема с этой корреляцией и многими аналогичными данными, которые связывают протестантизм либо с грамотностью, либо с формальным школьным образованием, заключается в том, что мы не можем сказать, вызывал ли протестантизм рост грамотности и образования, или же грамотность и образование побуждали людей принимать протестантизм. Или, быть может, и протестантизм, и грамотность, как правило, утверждались в обществе в результате экономического роста, формирования представительных органов власти и технологического прогресса вроде

распространения книгопечатания. К счастью, на примере Пруссии история провела для нас своего рода естественный эксперимент, итоги которого проанализировали экономисты Саша Беккер и Людгер Вёссманн.

Пруссия представляет собой отличный объект изучения по нескольким причинам. Во-первых, там довольно рано сформировались базовые представления о свободе вероисповедания. К 1740 г. король Пруссии Фридрих II Великий объявил, что каждый человек должен идти к спасению по-своему, фактически провозгласив религиозную свободу. Это означало, что жители страны могли выбирать свою веру, не сдерживаемые идущими сверху указаниями светских правителей. Во-вторых, все части Пруссии имели относительно единообразные законы и схожие органы власти. Это снижает вероятность того, что любая наблюдаемая взаимозависимость между грамотностью и протестантизмом может быть вызвана какой-то невыявленной связью между религией и порядком управления.

Анализ итогов переписи населения Пруссии 1871 г. показывает, что в регионах с большей долей протестантов был отмечен более высокий уровень грамотности и насчитывалось больше школ, дорога до которых занимала меньше времени. Эта закономерность, как правило, сохраняется, а часто и выглядят более убедительной при добавлении в статистическую модель контроля влияния урбанизации и демографических показателей. Связь между протестантизмом и числом школ очевидна даже в 1816 г., до вступления Германии в индустриальную эпоху. Таким образом, взаимозависимость между религией и образованием/грамотностью не определяется индустриализацией и сопутствующим ей экономическим ростом¹⁴.

Тем не менее связь между протестантизмом и грамотностью/образованием — это пока лишь корреляция¹⁵. Многие из нас усвоили, что причинно-следственные связи ни при каких обстоятельствах нельзя выводить из простых корреляций и что причинность могут выявить только эксперименты. Однако это уже не совсем так, потому что исследователи изобрели хитроумные способы извлечения квазиэкспериментальных данных из сведений о реальном мире. В Пруссии протестантизм распространялся из Виттенберга, как рябь, вызванная падением камня в пруд (если использовать метафору самого Лютера). Поэтому чем дальше от Виттенберга находился тот или иной прусский регион, тем меньше была в 1871 г. доля протестантов среди его жителей. Каждые 100 км, отделяющие местность от Виттенберга, снижали долю протестантов на 10 процентных пунктов (рис. П. 2). Подобная зависимость сохраняется даже тогда, когда мы исключаем влияние всех экономических, демографических и географических факторов. Таким образом, мы можем рассматривать близость к колыбели Реформации — Виттенбергу — как причину протестантизма в Пруссии. Очевидно, что свою роль играют и многие

другие факторы, включая уровень урбанизации, но нахождение рядом с Виттенбергом — новым центром событий начиная с 1517 г. — имело в контексте Пруссии свое собственное независимое влияние на протестантизм.

Радиальный характер распространения протестантизма позволяет нам использовать близость того или иного региона к Виттенбергу, чтобы выделить — в статистическом смысле — ту часть различий в уровне протестантизма, которая точно обусловлена близостью местности к Виттенбергу, а не связана с большей грамотностью населения или другими факторами. В некотором смысле мы можем думать об этом как об эксперименте, в котором разным регионам были предварительно прописаны разные дозировки протестантизма для проверки его воздействия на них. Расстояние от Виттенберга позволяет нам определить, насколько велика была эта экспериментальная дозировка. Затем мы можем увидеть, по-прежнему ли эта «назначенная» дозировка протестантизма коррелирует с более высокой грамотностью и бóльшим количеством школ. Если это так, то из этого естественного эксперимента мы можем сделать вывод, что протестантизм действительно стал *причиной* повышения грамотности¹⁶.

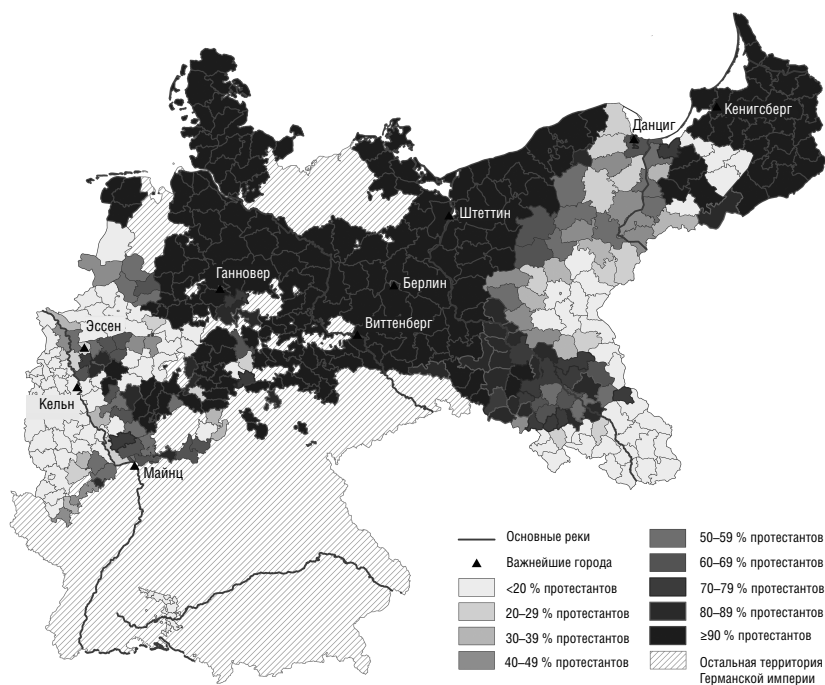

Рис. 2. Доля протестантов в прусских округах в 1871 г.¹⁷ На карте показаны некоторые города Германии, в том числе эпицентр Реформации Виттенберг и наделенный хартией город Майнц, где Иоганн Гутенберг основал свою типографию

Результаты этого статистического фокуса поражают. Мало того, что в прусских округах, расположенных ближе к Виттенбергу, имелась более высокая доля протестантов, но и эти дополнительные протестанты объяснялись более высоким уровнем грамотности и бóльшим числом школ. Это указывает на то, что волна протестантизма, вызванная Реформацией, повышала уровень грамотности и доступность школьного образования. Несмотря на высокий средний уровень грамотности в Пруссии в 1871 г., округа с полностью протестантским населением имели уровень грамотности почти на 20 процентных пунктов выше, чем с полностью католическим¹⁸.

Эти же закономерности можно обнаружить в других частях Европы XIX в., а сегодня — в тех регионах мира, где идет миссионерская деятельность. В Швейцарии XIX в. другие отголоски Реформации были зафиксированы в серии когнитивных тестов, проведенных среди призывников швейцарской армии. У молодых людей из районов, населенных исключительно протестантами, было не только на 11 процентных пунктов больше шансов оказаться «очень умелыми» при испытании на навык чтения по сравнению с молодыми людьми из католических районов; это преимущество еще и сохранялось в результатах тестов по математике, истории и письму. Такие взаимосвязи заметны даже при статистическом учете плотности населения, рождаемости и разнообразия экономики района. Как и в Пруссии, чем ближе община была к одному из двух эпицентров швейцарской Реформации — Цюриху или Женеве, тем больше в ней было протестантов в XIX в. Примечательно, что анализ близости к другим швейцарским городам, таким как Берн или Базель, не выявляет подобной связи. Как и в случае с Пруссией, наблюдаемая географическая закономерность позволяет нам выявить протестантизм как движущую силу распространения повышенного уровня грамотности, а также причину менее значительных улучшений в навыках письма и счета¹⁹.

В то время как религиозные убеждения оказываются ключевым фактором для раннего распространения грамотности и школьного образования, материальная заинтересованность и экономические возможности таковыми не выглядят. Лютер и другие лидеры Реформации не особо интересовались грамотностью и образованием как таковыми и не стремились к экономическим и политическим выгодам, которые они принесли бы столетия спустя. Обоснованием для *sola scriptura* служило, прежде всего, то, что это был путь к вечному спасению. Что могло быть важнее? Точно так же крестьянские семьи, которые составляли основную часть населения, оттачивали это умение не для того, чтобы улучшить свои экономические перспективы или карьерные возможности. Вместо этого протестанты считали, что люди должны быть грамотными, чтобы иметь возможность самостоятельно

читать Библию, совершенствовать свой моральный облик и строить более крепкие отношения с Богом. Спустя столетия, когда промышленная революция охватила Германию и прилегающие регионы, обилие грамотных крестьян и местных школ, вызванное протестантизмом, стало причиной наличия образованной и доступной рабочей силы, что способствовало быстрому экономическому развитию и помогло начать вторую промышленную революцию²⁰.

Приверженность протестантов к распространению грамотности и образования все еще можно наблюдать сегодня на примере разного влияния, которое оказывают протестантские и католические миссии по всему миру. В тех частях Африки, где в 1900 г. работало больше христианских миссий, спустя столетие можно наблюдать более высокий уровень грамотности. Однако ранние протестантские миссии оказываются эффективнее своих католических аналогов. Если сравнивать их между собой, регионы, где действовали ранние протестантские миссии, демонстрируют уровень грамотности, который в среднем примерно на 16 процентных пунктов выше, чем в регионах, где действовали католические миссии. Точно так же жители регионов, исторически связанных с протестантскими миссиями, посещают школу примерно на 1,6 года дольше, чем те, кто проживает в регионах, связанных с католическими миссиями. Это существенные различия, поскольку в конце XX в. африканцы в среднем учились в школе около трех лет и лишь приблизительно половина взрослых были грамотными. Эти эффекты не исчезают при статистическом учете широкого круга географических, экономических и политических факторов, а также текущих расходов стран на образование, которые сами по себе плохо объясняют различия в длительности обучения или уровне грамотности²¹.

Конкуренция между религиозными миссиями имеет большое значение. И католические, и протестантские миссионеры были более эффективны в распространении грамотности, когда напрямую сталкивались в борьбе за одни и те же души. На самом деле не вполне ясно, оказывали ли католические миссионеры заметное влияние на уровень грамотности в отсутствие конкуренции со стороны одержимых этим вопросом протестантов. Более того, подробный анализ африканских данных показывает, что протестантские миссии не только строили школы, дававшие формальное образование, но и прививали культурные ценности, подчеркивавшие важность образования. Это хорошо согласуется с ситуацией в Европе XVI и XVII вв., где интерес католиков к грамотности и школьному обучению частично подпитывался настойчивым вниманием протестантов к этому вопросу²².

Протестантизм Лютера не только влиял на Католическую церковь посредством конкуренции, но и непреднамеренно заложил фундамент для

финансируемого государством всеобщего школьного образования, продвигая идею ответственности властей за народное просвещение. С самого начала в трудах Лютера подчеркивался не только родительский долг обеспечить должный уровень грамотности детей, но и обязанность местных князей открывать школы. Это вдохновленное религией стремление к созданию государственных школ помогло сделать Пруссию образцом системы общественного образования, на который позже ориентировались такие страны, как Великобритания и США.

Примечательно, что принцип *sola scriptura* способствовал распространению грамотности и отдельно среди женщин — сначала в Европе, а затем и по всему миру. Например, в Бранденбурге, где количество школ для мальчиков выросло на протяжении XVI в. почти вдвое, с 55 до 100, количество школ для девочек увеличилось за тот же период более чем в 10 раз, с 4 до 45. Позже, по состоянию на 1816 г., чем больше было протестантов в округе или городе, тем выше была доля девочек, поступавших в школы, по сравнению с мальчиками. Более того, когда расстояние от той или иной местности до Виттенберга используется для выделения только той квази-экспериментальной части амплитуды религиозного разнообразия (принадлежности к католической или протестантской вере), которая вызвана ранним распространением Реформации, эта взаимосвязь все равно сохраняется, что указывает на то, что протестантизм, вероятно, был причиной роста грамотности среди женщин. За пределами Европы влияние протестантизма на образование девочек продолжает проявляться по мере распространения христианства по всему миру. И в Африке, и в Индии, например, первые протестантские миссии оказали заметно большее влияние на грамотность и длительность обучения девочек по сравнению со своими католическими конкурентами. Воздействие протестантизма на распространение грамотности среди женщин особенно важно, потому что у грамотных матерей, как правило, рождается меньше детей, зато по мере взросления они в среднем становятся здоровее, умнее и богаче, чем дети неграмотных матерей²³.

Когда в 1560 г. Реформация достигла Шотландии, в ее основании уже лежал ключевой принцип бесплатного государственного образования для бедных. Первый в мире налог на содержание местных школ был введен здесь в 1633 г. и дополнительно усилен в 1646-м. Этот ранний эксперимент по внедрению всеобщего образования вскоре привел к появлению поразительной плеяды мыслителей от Дэвида Юма до Адама Смита и, вероятно, стал одной из причин шотландского Просвещения. Интеллектуальное влияние этого крошечного региона в XVIII в. заставило Вольтера написать: «Все наши представления о цивилизации мы почерпнули в Шотландии»²⁴.

Давайте проследим намеченную мною цепочку причинно-следственных связей: распространение религиозного убеждения, что каждый человек обязан читать Библию самостоятельно, вело к росту уровня грамотности среди мужчин и женщин, сначала в Европе, а затем по всему миру. Массовая грамотность влияла на человеческий мозг и изменяла когнитивные способности людей в том, что касается памяти, обработки визуальных образов, распознавания лиц, точности вычислений и умения решать проблемы. Она, вероятно, также косвенно влияла на размер семей, здоровье детей и их когнитивное развитие, поскольку матери становились все более грамотными и образованными. Эти психологические и социальные тенденции могли способствовать более быстрым инновациям, появлению новых общественных институтов и — в долгосрочной перспективе — большему экономическому процветанию²⁵.

Конечно, как и предполагал великий немецкий социолог Макс Вебер, протестантизм подразумевает отнюдь не только грамотность. Как мы увидим в главе 12, протестантизм, вероятно, также влиял на самодисциплину, терпение, общительность и суицидальные наклонности людей²⁶.

Истории религий, биологий и психологий

Основной темой этой книги является не протестантизм или грамотность, хотя я постараюсь объяснить, почему население Европы оказалось в конце Средневековья так восприимчиво к необычайно индивидуалистическому характеру протестантских верований. Само представление, что каждому мужчине или, что еще хуже, женщине надлежит самостоятельно читать и толковать древние священные тексты, вместо того чтобы просто полагаться на мнение мудрецов, в большинстве обществ до периода Нового времени считалось бы чем-то средним между бесстыдным и опасным²⁷. Протестантизм, против которого активно выступали многие религиозные и светские элиты, окончился бы ничем в большинстве мест и почти в любую эпоху. Чтобы объяснить необычную природу западного христианства, а также наших семей, браков, законов и систем правления, мы гораздо глубже погрузимся в прошлое, рассматривая, как своеобразный набор религиозных запретов и предписаний преобразил европейскую систему родственных связей так, что полностью изменил социальную жизнь и психологию людей, а в конечном итоге подтолкнул общества христианского мира на исторический путь, немислимый где-либо еще. Вы увидите, что протестантизм и связанные с ним важные нововведения возникают гораздо ближе к концу, чем к началу этого сюжета.

Тем не менее пример взаимосвязи между грамотностью и протестантизмом иллюстрирует в миниатюре четыре ключевые идеи, которые проходят через всю эту книгу. Давайте перечислим их:

1. Религиозные убеждения могут энергично влиять на принятие решений, психологию и общество. Чтение Священного Писания было в первую очередь способом вступить в общение с божественным, но его непредвиденные побочные эффекты оказались огромными и привели к сохранению одних религиозных групп и росту их численности по сравнению с другими.
2. Представления, практики, технологии и социальные нормы — то есть культура — могут влиять на наш мозг, его биологические и психологические особенности, включая мотивации, умственные способности и предубеждения при принятии решений. Мы не можем отделить «культуру» от «психологии» или «психологию» от «биологии», потому что культура физически перестраивает наш мозг и тем самым определяет, как мы мыслим²⁸.
3. Психологические изменения, вызванные культурой, могут определять всевозможные последующие события, поскольку эти изменения обуславливают то, на что люди обращают внимание, как они принимают решения, какие социальные институты они предпочитают и насколько они склонны к инновациям. В нашем примере, повысив уровень грамотности, культура стимулировала развитие аналитического мышления и длительной памяти, одновременно способствуя формальному обучению, росту тиражей книг и распространению знаний. Таким образом, принцип *sola scriptura*, вероятно, активизировал инновации и заложил основу для стандартизации законов, расширения круга обладателей избирательного права и создания конституционных форм правления²⁹.
4. Грамотность — это наш первый пример того, как жители Запада стали психологически отличаться от остальных людей. Конечно, с распространением христианства и европейских институтов (например, начальных школ) по всему миру многие популяции за последнее время тоже стали в высокой степени грамотными³⁰. Однако, если оценивать ситуацию в мире на 1900 г., жители Западной Европы с их более толстым мозолистым телом и менее развитым навыком распознавания лиц показались бы нам весьма странными³¹.

Как нам предстоит убедиться, грамотность не является чем-то исключительным. Скорее, это верхушка огромного психологического и нейробиологического айсберга, который не разглядели многие исследователи.

В следующей главе я начну с обсуждения глубоководных частей и формы этого айсберга. Затем, уже заложив основу для размышлений о человеческой природе, культурных изменениях и эволюции общества, мы рассмотрим, как и почему в Западной Европе возник широкий перечень психологических особенностей и каковы последствия этого для понимания экономического процветания, инноваций, права, демократии и науки в современном мире.